

Мы стали прокопчанами...

Трудно найти человека, чьи предки жили на территории Прокопьевска хотя бы сто лет назад. Почти все мы – потомки переселенцев, искателей лучшей доли, кого судьба привела в кузнецкий край. Приезжали шахтостроители и основатели заводов. А также из семей ссыльных, репрессированных и осужденных. Сибирь-матушка принимала всех. Работящие да смекалистые нашли в ней свою вторую, ставшей любимой, родину. Люди встречались здесь, в Прокопьевске, влюблялись и создавали семьи, которых бы никогда не было, если бы не зигзаги судьбы. На такие мысли наводят разговоры с жителями нашего города и письма в редакцию.

Одно из них начинается так:

«Сейчас очень много пишут и говорят об участниках Великой Отечественной войны. А я хочу рассказать о труженике тыла, как их называют. О своем папе. Мой отец, Иван Андреевич Ковалев, родился в 1915 году в селе Беляевка, ныне Саратовской области. Был крепким хозяйственником-крестьянином. А в Прокопьевске стал строителем. Штукатуром, маляром, отделочником... Я затрудняюсь назвать хотя бы одно здание в городе постройки 40-60-х годов, к которому не приложил бы руку мой папа. Когда началась война, его на фронт не пустили, выдали «бронь» – нужен здесь. В военные годы он мало бывал дома. Перестраивал под эвакуацию школу № 6 и горный техникум... Строителей мужчин было мало, а работы много...»

Обвенчала Сибирь

лять можно долго. Бригада отца работала в Тырганском стройуправлении.

В семье нас у папы с мамой было трое детей. Все девочки. А родители так хотели мальчика... Я была нежеланным средним ребенком. Шла война. А аборт был запрещен. Потому мое рождение было нехотено. Мы жили на Щербаковке, на Тыргане у нас было поле с просом. Мама оставляла меня младенцем, а сама уходила работать в этом поле. Помню, что мама хорошо пела. А папа всегда «на вахте». В те военные годы жили мы очень бедно. Помню на столе глубокую чашку, в ней порезанная капуста и лук, залитые водой. Такая пища была в те времена...

Потом жизнь наладилась постепенно. Папа хорошо зарабатывал. У мамы в хозяйстве молоко, яйца были в избытке. Даже на продажу оставалось. Дом какой прекрасный был, как картиночка. Мужчины из бригады отца бывали у нас в гостях. Обычно все вместе помогали с хозяйством. Обсуждали работу на стройке. И чем сложнее была работа, тем с большим азартом они обсуждали реше-

ния, подходы. Любили они свою работу. И помню, что очень моего папу уважали.

Папа всегда на праздничных мероприятиях, городских или районных, сидел в президиуме. Его портрет висел постоянно на досках почета. За свою работу был отмечен множеством наград. Думаю, особенно он ценил знак «Заслуженный строитель РСФСР», выданный под номером четыре, и орден Трудового Красного Знамени. Следующей его наградой должен был стать орден Ленина. И он был бы к этой награде представлен. Но тут было одно «но»! Награждаемый обязан был быть членом КПСС. А папа был категорически против вступления в партию.

– И почему же ваш папа не хотел вступать в партию?

– Семья отца числилась в зажиточных в селе Беляевка. Их было семеро детей – три девочки и четыре мальчика. Все трудились с утра до ночи. Благодаря этому по тем временам у них было все необходимое для нормальной жизни. И семья попала под раскулачивание в 1933 году. Сестры отца уже были

замужними, и их оставили в Беляевке. А папу с братьями отправили в Сибирь на спецпоселение. Старший сын, Степан, был сослан в Нарым, где впоследствии стал председателем колхоза. Александра отправили в Трудоармейку. После окончания Прокопьевского горного техникума работал главным механиком угольного разреза. Был еще один брат у отца, Михаил, он погиб на войне. Папа был против вступления в КПСС, потому как партия разъединила их большую, дружную, трудолюбивую семью.

Судя по семейному фотоархиву, вся большая семья собиралась где-то в Сибири в 1938 году. На фотографии мои дед, отец и многочисленные родственники. Собирались и в 70-х, кто был жив. Но все, кто жил в Сибири, так здесь и остались. На малую родину возвращаться не захотели.

Папа был против вступления в КПСС, потому как партия разъединила их большую, дружную, трудолюбивую семью.

– А как ваша мама оказалась в Прокопьевске?

– Ее сестра Елена была бригадиром в колхозе в селе Садки Сталинградской области. Рассказывала о себе, когда позже приезжала в гости. Она в те годы на Пасху разрешила бригаде не выходить на работу в поле. Ее судили за это и посадили на 25 лет в тюрьму в Куйбышеве. И все четверть века она смотрела через решетку на противоположный берег Волги, где ласточки гнездились. А маму сослали в Прокопьевск. Тут папа с мамой и встретились. Я еще помню, как они ходили в комендатуру отмечаться. С учета их сняли только в 1950 году. Реабилитировали в 1991-м.

Вопросы мы тогда не задавали родителям. Не принято было. Знаете, раньше ведь к родителям только на «вы» обращались. А сейчас и дедушке «ты» говорят. Совсем другое воспитание было. Взрослому человеку, даже неродному, нельзя было перечить. А то за какое-нибудь дурное слово уши надерет и прикажет отцу передать. И еще от отца малец получит. За столом вперед отца начинать нельзя было есть. Коль ребенок, то ешь молча. А не то – ложкой по лбу. Дисциплина строгая в семье. Вспоминаю, что у нас в доме была книга «Тихий Дон». Так папа с мамой только без нас ее вдвоем читали. Там ведь про любовь! Нельзя при детях...

Папа нас никогда даже пальцем не трогал. Но стоит только маме пригрозить нам: «Все папе расскажу» – сразу тишина и послушание. Мама не работала. Воспитывала нас

Иван Ковалев в бригаде строителей.

и занималась огромным огородом в двадцать соток. Помню, что в огороде было море цветов.

– А братья отца приезжали к вам в гости?

– Конечно. Как они рассказывали о своей жизни – заслушаешься. Как было много арбузов. Как дразнили верблюдов, а те плевались в ответ. Папа и Александр часто встречались и играли на балалайке и мандолине. А Степан приезжал с Нарыма и рассказывал, какая у них там рыбалка. Родилось у моего отца три внука. Три мальчишки. Он ведь так хотел сына. И еще одна внучка, которую он любил невероятно... Вот такая история про моего папу.